

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ ЖИЗНЕННЫХ НАМЕРЕНИЙ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

© 2015 г. В. Ю. Хотинец*, А. А. Калининко**

** Заслуженный деятель науки УР, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск;
e-mail: khotinets@mail.ru*

*** аспирант, там же; e-mail: andrey.kalinenko@yandex.ru*

Представлены результаты исследования, направленного на выявление побудительной силы (синтеза потребности и интеллектуальной активности) жизненных намерений осужденных, удерживающей отсроченные жизненно значимые цели и приводящей к выполнению намеренных действий по выбытию из пенитенциарных учреждений. На примере обследованных лиц, находящихся в заключении и отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима ($N = 137$), установлены особенности жизненных намерений осужденных, указывающие на разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов. Обнаружены кросскультурные различия в жизненных намерениях и базовых ценностях осужденных мужчин, причисляющих себя к русским, и мужчин, относящих себя к финно-угорским народам – удмуртам. Средствами дисперсионного анализа продемонстрированы факторы потенциала реализации жизненных намерений осужденных, к которым наряду с ценностью и значимостью субъектной активности относятся этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы.

Ключевые слова: аффективный и интеллектуальный компоненты намерения, потенциал реализации жизненных намерений, культурные ценности, смысловые ориентации, ценностно-смысловые факторы, ценности субъектной активности.

Сложные условия неустойчивости, неопределенности состояния общества, такие как экономические трудности, массовая миграция и маргинализация населения, нравственный кризис и социальная аномия, повлекли за собой разрушительные тенденции в менталитете общества, в котором распространяются и даже возвеличиваются ценности криминальной субкультуры [5, 23]. Неблагоприятные криминогенные факторы продолжают проявлять себя усилением социальной напряженности и опасности, увеличением количества правонарушений, ростом рецидивной преступности [8].

Лица, помещенные в исправительное учреждение, попадают в уголовную субкультуру с деформированной системой отношений, специфическими тюремными порядками и традициями [42]. Исследователи подчеркивают “пораженную” нравственность заключенных: отсутствие внутренних нравственных критериев, отвержение

моральных ценностей, дефицит высших нравственных чувств, обуславливающие искаженное отношение к социальной действительности [9, 26]. Не исправившийся преступник, вернувшись из мест лишения свободы, продолжает представлять опасность для общества. Вместе с тем небольшое число осужденных и вышедших из мест лишения свободы пытаются разобраться в себе и покаяться, пусть даже самому себе, но это не получается лишь по той причине, что им мало помогают в этом чрезвычайно трудном и сложном деле [3]. В связи с этим имеется объективная потребность в поиске наиболее эффективных направлений, форм, способов и средств ресоциализации осужденных – приобретения необходимых психологических ресурсов для успешной интеграции в обществе с соблюдением норм права.

В пенитенциарной психологии используются различные методы психокоррекции, воздействующие на структуру психологических свойств

человека, совершившего преступление, с целью устранения или уменьшения ее криминогенности и для формирования моделей социально-правового поведения. Наряду с распространенным когнитивно-поведенческим методом для вторичной профилактики криминального поведения в исправительных учреждениях при участии Русской православной церкви используются методы духовно-нравственного воздействия [7, 41] или духовная психотерапия [10], способствующие морально-нравственному становлению осужденных по христианским заповедям. Применяется метод этнофункциональной коррекции образной сферы личности, учитывающий специфику современной российской мультикультурной ситуации, который позволяет снижать выраженность ряда эмоциональных и когнитивных особенностей личности, обуславливающих криминальное поведение [29].

Вместе с тем в области пенитенциарной психологии лишь немногие научные исследования посвящены проблеме выявления достижимых эффектов воздействия различных методов психологической коррекции на личность отбывающих наказание людей [30]. Исправительные учреждения не могут отслеживать дальнейшую судьбу осужденных, моделировать их жизнь на свободе, поскольку исполнение наказания определяется пенитенциарными стандартами принудительного режима. Как поступит, чем займется и какие действия предпримет освободившийся из мест лишения свободы – это один из важных вопросов правоохранительных органов, да и общества в целом. В связи с этим актуальной становится проблема исследования жизненных намерений осужденных – решений, побуждающих и планирующих их поведение и деятельность в будущем, а также факторов, предопределяющих реализацию их отсроченных действий и отложенных поступков.

В отечественной психологии считается, что намерения как побудители поведения формируются, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено. Или же, когда удовлетворение потребности не может быть достигнуто непосредственно и требует достижения промежуточных целей, не имеющих собственной побудительной силы. Тогда возникшее у человека намерение выступает в качестве побудителя действий, направленных на достижение промежуточных целей [11, с. 36–37, 43]. Долговременные намерения, подобно мотивационной установке как латентному состоянию готовности к удовлетворению потребности, осуществляются при появлении нужной ситуации, в соответствующих обстоятельствах. Срочные,

оперативные намерения приводят к возникновению побуждения “здесь и сейчас” [12, с. 150].

Побудительная сила намерения является синтезом двух образующих: влияния непосредственной потребности и воздействия активности, посредством которой человеком осознаются способы и средства, позволяющие достичь ее удовлетворения. “В этом случае мы имеем дело с новыми функциональными образованиями, представляющими собой нерасторжимое единство аффекта и интеллекта” [11, с. 40], переживания нужды и интеллектуальной активности.

Действенность силы осуществления намерения повышает свою значимость в сложных противоречивых и непредсказуемых условиях жизни человека. Например, в ситуациях, когда отсутствует определенность соответствующих случаев и/или способов выполнения, когда возникают иные, чем предусмотренные в акте намерения, подходящие события (адекватные ситуации, замещающие случаи), или же используются другие эквивалентные возможности достижения цели [17, с. 125–130], когда определен ресурс удовлетворения потребности, а цель, выбранная человеком, все дальше сдвигается по времени [12, с. 60].

В трудных жизненных ситуациях человек может рассчитывать на собственные ресурсы, на других людей, на свои жизненные “опоры”. Для осужденных поддерживающее значение приобретает то, что наделяется ресурсным значением, а значит, наделяется ценностью (полезностью) и смыслом (личностной значимостью) [27], это синтезирует аффективный и интеллектуальный компоненты жизненных намерений и приводит пусть к отсроченным, но жизненно важным результатам. Жизненные “опоры” могут быть внешними (культура, сообщество людей и др.), и внутренними (ценности, смыслы, установки, потребности, мотивы личности и т.д.) [1, с. 44].

Культура как фундаментальное основание человека дает ему психологическую защиту, предоставляя упорядоченный и сбалансированный образ мира, где можно надежно и безопасно существовать [16, 20]. Этнокультурные ценности воплощают в себе наиболее продуктивные формы взаимодействия человека с миром, способы смыслового регулирования человеческой жизнедеятельности по логике жизненной необходимости [18, 45]. В тяжелых обстоятельствах ценности этнокультурного мира служат важнейшей цели – обеспечить действенными способами преодоления трудностей, наиболее надежными, простыми в освоении и результативными для представителей той или иной культуры [43, 44].

Проведенное исследование было направлено на выявление побудительной силы (синтеза потребности и интеллектуальной активности) жизненных намерений осужденных, удерживающей отсроченные жизненно значимые цели (то, что нужно осуществить, то, к чему направлены устремления, например, семья, материальное благополучие и др.) и приводящей к выполнению намеренных действий (с использованием соответствующих способов и средств) по выбытию из мест заключения.

Цель работы – исследование механизмов побуждения жизненных намерений осужденных, относящихся себя к различным этнокультурным группам.

В работе было выдвинуты следующие *гипотезы*: 1) аффективный и интеллектуальный компоненты жизненных намерений осужденных находятся в разрыве и рассогласовании друг с другом; 2) в трудных жизненных ситуациях культурные ценности и смыслы, воплощающие в себе безопасные и надежные формы и способы взаимодействия с миром, становятся факторами потенциала осуществления жизненных намерений человека.

На основе цели исследования и выдвинутых гипотез были поставлены следующие *задачи*:

1. Раскрыть особенности жизненных намерений лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (группа осужденных), в сравнении с лицами, находящимися в стандартных условиях социализации (нормативная группа).
2. Установить кросскультурные различия в показателях базовых культурных ценностей и смысложизненных ориентаций осужденных.
3. Выявить ценностно-смысловые факторы жизненных намерений осужденных в связи с их этнокультурной принадлежностью.

МЕТОДИКА

Участники исследования. На этапе организации исследования (срок проведения 2011–2013 гг.) методом фокус-групп были отобраны мужчины в возрасте 20–37 лет среди отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима (осужденных за различные уголовно-правовые преступления) на территории одного из субъектов РФ. В данной выборке 87 человек причисляли себя к русским, а 50 человек относили себя к финно-угорским народам – удмуртам. Нормативная выборка состояла из 60 мужчин, работающих

на производственных предприятиях г. Ижевска Удмуртской Республики (рабочие), часть которых причисляла себя к русским (30 чел.), а другая часть – к удмуртам (30 чел.). Этнокультурная принадлежность участников исследования определялась по самоотчетам на основе объективных и субъективных признаков [37] и уточнялась в ходе беседы.

Методики. Для определения жизненных намерений использовалась методика “Жизненное предназначение” О.И. Моткова [21], направленная на изучение содержания главных жизненных ориентаций и особенностей их осуществления в процессе жизнедеятельности. Интегральным показателем служил *потенциал осуществления жизненных намерений* – выраженность внутренних условий, способствующих реализации своих жизненных ориентаций и запланированных решений.

Для изучения культурных ценностей применялся опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой [14, 16, 31], включающий 57 ценностей (30 культурных ценностей как жизненных принципов и 27 культурных ценностей как способов поведения). Респонденты ранжировали ценности по степени важности как руководящие принципы в их жизни. Шкала ранжирования от –1 (ценность, противоположная ведущим принципам жизни) до 7 (наиболее важная ценность, являющаяся руководящим принципом в жизни). Ценности группировались в блоки: Консерватизм–Автономия (интеллектуальная, аффективная), Иерархия–Равноправие, Мастерство–Гармония, расположенные в каждой паре вдоль биполярных осей.

Ценности на индивидуальном уровне измерялись с помощью опросника измерения индивидуальных ценностей Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой [15, 16, 31], содержащего 40 утверждений, каждое из которых относится к тому или иному мотивационному типу: Саморегуляция, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть, Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм. Для подсчета результатов использовалась симметричная 6-балльная шкала от “очень похож на меня” до “совсем не похож на меня”.

Для выявления внутриличностных конфликтов и вакуумов между “ценным” и “доступным” в мотивационно-личностной сфере была использована методика Е.Б. Фанталовой “Уровень соотношения ценности и доступности” [32]. Участнику исследования необходимо было провести попарное сравнение 12 понятий, означающих различ-

ные жизненные ценности. Методом субъективных оценок по 10-балльной шкале необходимо было оценить эти понятия дважды: первый раз по “ценности” (Ц), второй раз по “доступности” (Д). Далее подсчитывалось значение “ценности” и “доступности” каждой жизненной сферы и показатель расхождения “ценность-доступность” (Ц-Д). Индекс расхождения (Ц-Д) – показатель рассогласования, дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере личности, свидетельствующий о степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией (внутренний конфликт, если Ц-Д > 4), и внутренний вакуум, если Д-Ц > 4).

Тест “Смысложизненные ориентации” (СЖО) Д.А. Леонтьева [19] использовался для выявления жизненных смыслов. Тест включает в себя 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары альтернативных утверждений, требующих ответа по 7-балльной шкале. Тест позволяет получить, наряду с общим показателем осмысленности жизни, значения по пяти субшкалам, включающим три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля: цель в жизни, процесс в жизни, результативность жизни, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь.

Математико-статистический анализ данных включал [22]: описательную статистику (выявление основных характеристик распределения), непараметрический тест (критерий Манна-Уитни), кластерный анализ (иерархический, метод *K-means*), дисперсионный анализ (одномерный двухфакторный *ANOVA*, одномерный однофакторный *ANOVA*). Обработка данных осуществлялась с помощью программы *SPSS 16.0*.

Процедуры. Для выявления жизненных намерений был проведен контент-анализ [34] ответов на открытый вопрос: “Мое жизненное намерение состоит в ...” методики О.И. Моткова “Жизненное предназначение” при сегментарном подсчете упоминаний смысловых единиц (категорий) в каждом отдельном бланке стимульного материала. Объем упоминаний категорий измерялся подсчетом количества слов.

С целью выявления наиболее предпочитаемых ценностей на культурном уровне в каждой группе респондентов ценности с наибольшими средними значениями были соотнесены и согласованы с результатами процедуры их кластеризации. Для определения оптимального количества кластеров ценностей был использован иерархический кластерный анализ (метод – *Between-groups linkage*, дистанционная мера – *Squared Euclidean distance*), в результате которого для группы осужденных-удмуртов получено 4 кластера (скачкообразное

увеличение коэффициента зафиксировано на 53 шаге (скачок с 173.833 до 202.769) при общем количестве наблюдений, равном 57, а для группы осужденных-русских получено 3 кластера (скачкообразное увеличение коэффициента зафиксировано на 54 шаге (скачок с 570.930 до 801.364) при общем количестве наблюдений, равном 57.

Для сравнения смысложизненных ориентаций в разных группах был применен *U*-критерий (Манна-Уитни). Первоначально была проверена гипотеза H_1 о различии выборок по уровню выраженности показателей, в противном случае принималась гипотеза H_0 – об отсутствии различий между искомыми показателями.

Для выявления главных эффектов контролируемых факторов и взаимодействия факторов по показателю зависимой переменной применялся дисперсионный анализ (одномерный двухфакторный *ANOVA*) данных, полученных в выборке осужденных. Первый контролируемый фактор “ценность” включал 3 уровня: низкий, средний, высокий. Второй контролируемый фактор “этнокультурная принадлежность” включал 2 позиции: русские и удмурты. Показатель *потенциал осуществления жизненных намерений* был обозначен как зависимая переменная. Проверялись две гипотезы: 1) о главном эффекте первого контролируемого фактора, 2) о взаимодействии факторов.

Для объяснения доли вариации зависимой переменной через вариацию независимых переменных применялся дисперсионный анализ (одномерный однофакторный *ANOVA*) данных в трех выборочных совокупностях (1 – группа осужденных-русских, 2 – группа осужденных-удмуртов, 3 – нормативная группа). Первым контролируемым фактором в первом случае выступал фактор “ценности”, во втором случае – фактор “смысложизненные ориентации”, включающий 3 уровня: низкий, средний, высокий. Показатель *потенциал осуществления жизненных намерений* рассматривался как зависимая переменная. Гипотеза H_1 содержала утверждение, что по крайней мере два средних значения зависимой переменной, соответствующих разным градациям независимой переменной (фактора), различаются, при ее отклонении принималась гипотеза H_0 о равенстве средних значений.

Для проверки гипотезы о том, что все распределения зависимой переменной для сравниваемых выборок имеют одинаковые дисперсии, использовался критерий равенства дисперсий Левена ($p > .05$).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Особенности жизненных намерений осужденных. С целью выявления жизненных намерений осужденных был проведен контент-анализ ответов на открытый вопрос: “Мое жизненное намерение состоит в ...” методики “Жизненные предназначения” О.И. Моткова, результаты которого сравнивались с результатами нормативной группы респондентов.

Несмотря на то что по объему упоминания тех или иных жизненных намерений осужденные намного превосходили нормативную группу (в среднем в тексте на одно указанное жизненное намерение у осужденных приходится 101 слово, у законопослушных – 55 слов), принципиальных отличий в качественных (смысловых) единицах не выявлено. Среди часто встречающихся жизненных намерений в группе осужденных выделяются (ранжированные по частоте и объему упоминания): создание семьи и забота о ней (36.93% объема упоминания к общему объему текста); социально значимая деятельность (18.22%); саморазвитие и самосовершенствование (13.01%); придание, наполнение жизни смыслом (12.95%); обустройство жизни (10.85 %); наслаждение жизнью (8.04%).

При этом у осужденных обнаружены следующие особенности содержательной представленности жизненных намерений: 1) выявлено, что намерение может быть представлено лишь только потребностью (я хочу) без конкретных способов и средств, позволяющих достичь удовлетворения этой потребности (20.10%), 2) установлена рассогласованность аффективного (переживание нужды) и интеллектуального (способы и средства достижения цели) компонентов (14.16%), 3) обнаружено замещение интеллектуального компонента в связи с имеющимися сомнениями в действенности способов и средств достижения цели нравственными поучениями – религиозными притчами как жизненными предназначениями (“Построить дом, посадить дерево, родить ребенка”) (13.05%) или же непосредственным обращением к всемогущему Богу-Творцу (“Бог не позволит мне погибнуть и поможет мне”) (8.44%), Покровителям рода и семьи из религиозно-мифологических (языческих) воззрений (“Духовные покровители защитят меня”, “Великий небесный Бог моих предков даст легкой жизни”) (8.35%).

При выявлении кросскультурных различий жизненных намерений осужденных установлено, что осужденные-русские в большей мере ориентированы на самих себя (“Хочу быть материально независимым, наслаждаться своей жизнью”)

с включением внутренних субъектных ресурсов (“По мере возможности буду активизировать свои идеи, прогрессировать в сфере своей деятельности”), тогда как у осужденных-удмуртов в большинстве своем намерения отличаются социальной направленностью (“Буду стремиться быть полезным для других, обществу и государству”) с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром (“Хочу жить как все по справедливости”, “Если каждый будет жить ради себя, не станет и жизни”, «Мне нравится доставлять людям добро, за что мне достаточно одного лишь слова “спасибо”»).

Кросскультурные различия в показателях базовых культурных ценностей осужденных. Для установления базовых культурных ценностей участников исследования был использован опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца [31, с. 101–105]. С целью выявления наиболее предпочитаемых ценностей были проведены следующие процедуры: 1) подсчет средних значений показателей ценностей, 2) кластерный анализ ценностей.

При анализе данных кластеризации ценностей в каждой группе осужденных обнаружено, что на 24 шаге агломерации в русской группе и 40 шаге – в удмуртской группе происходит образование первичных кластеров, объединяющих ценности, тесно соседствующие на диаграммах рассеивания. Эти ценности по результатам анализа их средних значений оказались наиболее предпочитаемыми отдельно в каждой группе (табл. 1).

Выявлено, что средние значения ценностей у осужденных-удмуртов несколько занижены и эта тенденция повторяется от исследования к исследованию. Данный факт может быть объяснен особенностью оценивания, характерной для представителей удмуртской культуры, уходящей корнями к традиционным ценностям, согласно которым идеальными качествами-ценностями являются умеренность, сдержанность, избегание категоричности в выражении мнения [36, 39, 40]. Это может проявляться в оценивании собственных качеств представителями удмуртской группы на основе преимущественного использования среднего диапазона оценок при ответе на вопросы анкет, избегания экстремально высоких или низких баллов.

Анализ культурных ценностей показывает, что в обеих группах можно выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей: защита семьи, здоровье, уважение родителей и старших, смысл жизни, верность, самоуважение, настоящая дружба, чистоплотность, интеллект, ответ-

Таблица 1. Предпочитаемые базовые культурные ценности в русской и удмуртской группах осужденных

Группа осужденных					
Русские (N = 87)			Удмурты (N = 50)		
Ценности	M	σ	Ценности	M	σ
Защита семьи	6.45	1.17	Защита семьи	5.87	1.81
Здоровье	6.08	1.36	Здоровье	5.73	1.41
Уважение родителей, старших	5.89	1.43	Уважение родителей, старших	5.53	1.75
Смысл жизни	5.84	1.33	Самоуважение	5.43	1.57
Верность	5.70	1.36	Смысл жизни	5.40	1.65
Самоуважение	5.67	1.27	Верность	5.27	1.20
Настоящая дружба	5.57	1.33	Чистоплотность	5.27	1.60
Чистоплотность	5.49	1.45	Ответственность	5.10	1.45
Интеллект	5.46	1.40	Интеллект	5.07	1.41
Ответственность	5.44	1.49	Мир на земле	5.07	1.64
Выбор собственных целей	5.29	1.49	Сохранение публичного образа	5.03	1.75
Честолюбие	5.22	1.49	Вежливость	4.97	1.66
Независимость	5.17	1.64	Выбор собственных целей	4.93	1.68
Достижение успеха	5.14	1.46	Честность	4.90	1.42
Умелость	5.10	1.46	Наслаждение жизнью	4.87	1.41
Наслаждение жизнью	5.09	1.94	Настоящая дружба	4.80	1.81
Мудрость	5.05	1.58	Достижение успеха	4.80	1.40
Полезность	4.93	1.55	Умелость	4.77	1.19
Взаимоуслужливость	4.74	1.60	Честолюбие	4.67	1.56
			Самодисциплина	4.63	1.38
			Умение прощать	4.56	1.50

Примечание: M – среднее значение; σ – стандартное отклонение; жирным шрифтом выделены ценности, встречающиеся в группах осужденных русских и удмуртов.

ственность, выбор собственных целей, честолюбие, достижение успеха, умелость, наслаждение жизнью. Согласно представлениям Ш. Шварца, перечисленные ценности вошли в блоки Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство, Автономия аффективная. Принадлежность (Консерватизм) и Равноправие относятся к базовым ценностям российской культуры, которые транслируются из поколения в поколение [14, с. 79] и объединяют наши народы. Наряду с этим встречаются ценности субъектной активности (мобильность, успешность), востребованные в современном мире. Там, где необходима конкурентоспособность за счет культивирования таких качеств, как ловкачество, изворотливость, культ силы, эгоизма с четкой нацеленностью на земные радости и материальные блага, дарующие удовольствие здесь и теперь, для приумножения которых хороши любые средства, преступный мир “перелицовывает” эти ценности до гипертрофированных понятий.

Кроме того, выделяются ценности, которые предпочитаемы в одной из групп и не встречаются

в списке приоритетных в другой. Так, к отличительным ценностям осужденных-русских относятся: независимость (5.17), мудрость (5.05), полезность (4.93), взаимослужливость (4.74), вошедшие в блоки: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство. Предпочитаемыми ценностями осужденных-удмуртов являются: мир на земле (5.07), сохранение своего публичного образа (5.03), вежливость (4.97), честность (4.90), самодисциплина (4.63), умение прощать (4.56), представленные в блоках: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Гармония.

Обращает на себя внимание разбалансированность блоков ценностей, предполагающих всеобщее согласие и мир, групповую гармонию средствами добровольного самоограничения, с одной стороны, и ценностей, направленных на отдельные земные радости, приносящие сиюминутные удовольствия, с другой [см. 38]. Согласно Ш. Шварцу [45], биполярные отношения и противоречия в ценностных конструктах возникают при выборе субъектом противоречивых (лежащих

Таблица 2. Эффект фактора “ценность” (социальный порядок) при взаимодействии с фактором “этнокультурная принадлежность” по показателю *потенциал осуществления жизненных намерений осужденных* (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этнокультурной принадлежности	Уровень фактора “ценность” (социальный порядок)		
	низкий	средний	высокий
Русские	3.02 (0.62)	3.59 (0.52)	3.64 (0.61)
Удмурты	3.21 (0.48)	3.12 (0.61)	3.87 (0.50)

Примечание. Главные эффекты: для фактора “ценность” (социальный порядок) $F(5,131) = 5.356$, $p = .006$; взаимодействие фактора “ценность” (социальный порядок) с фактором “этнокультурная принадлежность” $F(5, 131) = 3.952$, $p = .022$, $R^2 = 0.167$.

Таблица 3. Взаимодействие фактора “ценность” (благочестие) с фактором “этнокультурная принадлежность” по показателю *потенциал осуществления жизненных намерений осужденных* (средние и стандартные отклонения) (одномерный двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Фактор этнокультурной принадлежности	Уровень фактора “ценность” (благочестие)		
	низкий	средний	высокий
Русские	3.37 (0.76)	3.50 (0.49)	3.75 (0.54)
Удмурты	3.78 (0.75)	3.36 (0.56)	2.42 (0.47)

Примечание. Взаимодействие фактора “ценность” (благочестие) с фактором “этнокультурная принадлежность” $F(5, 131) = 3.887$, $p = .023$, $R^2 = 0.080$.

на разных полюсах в определенном конструкте) мотивационных, целевых единиц.

Более того, по результатам методики Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» был выявлен внутренний конфликт в отношении ценности “здоровье”, которая является наиболее предпочитаемой ценностью у всех осужденных (Ц-Д = 4.28), – разрыв “между потребностью в достижении внутренне значимых ценностей и возможностью такого достижения в реальности” [32, с. 229].

Культурные ценности как факторы жизненных намерений осужденных в связи с их этнокультурной принадлежностью. С помощью дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA, межгрупповой дизайн) показателей всей выборочной совокупности осужденных установлены статистически значимые эффекты первого контролируемого фактора (ценности на культурном уровне) и взаимодействие факторов (ценностей и этнокультурной принадлежности).

Так, по показателю *потенциал осуществления жизненных намерений* при взаимодействии с фактором “этнокультурная принадлежность” установлен главный эффект фактора “ценность”: равенство (Равноправие) ($R^2 = 0.096$), социаль-

ный порядок (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.167$), вежливость (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.108$), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.135$), умелость (Мастерство) ($R^2 = 0.117$), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.108$). Поскольку обнаруженные эффекты соответствуют одинаковой статистической закономерности, рассмотрим полученные данные на примере ценности “социальный порядок” (по средним значениям ценность приближена к предпочитаемому) (табл. 2).

Согласно полученным результатам, показатель *потенциал осуществления жизненных намерений* у осужденных преобразуется в зависимости от изменения показателя ценности “социальный порядок”. При этом в группе осужденных-русских он резко повышается от низкого к среднему и чуть возрастает при высоком значении ценности. В свою очередь у удмуртов прослеживается его небольшое понижение от низкого к среднему и далее резкое повышение при высоком показателе рассматриваемой ценности.

Подобного рода статистическая закономерность была обнаружена только при выявлении взаимодействия факторов “этнокультурная принадлежность” и “ценности”: удовольствие (Автономия аффективная) ($R^2 = 0.100$), национальная

Таблица 4. Средние значения и стандартные отклонения показателя *потенциал осуществления жизненных намерений* осужденных в группе осужденных-русских (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности в группе осужденных-русских	Уровень		
	низкий	средний	высокий
Внутренняя гармония	2.92 (0.56)	3.40 (0.54)	3.77 (0.51)
Социальный порядок	3.02 (0.62)	3.59 (0.52)	5.60 (0.60)
Смысл жизни	2.86 (0.69)	3.48 (0.61)	3.67 (0.48)
Самоуважение	2.83 (0.61)	3.59 (0.58)	3.54 (0.57)
Самодисциплина	3.09 (0.61)	3.47 (0.65)	3.63 (0.49)
Защита семьи	2.50 (0.51)	3.29 (0.59)	3.56 (0.57)
Единство с природой	3.23 (0.65)	3.54 (0.55)	3.69 (0.58)
Мудрость	3.09 (0.76)	3.46 (0.59)	3.63 (0.53)
Социальная справедливость	3.12 (0.65)	3.55 (0.56)	3.63 (0.59)
Выбор собственных целей	3.14 (1.03)	3.37 (0.64)	3.65 (0.49)
Здоровье	2.29 (0.20)	3.49 (0.59)	3.55 (0.57)
Умелость	3.09 (0.67)	3.56 (0.59)	3.60 (0.53)
Ответственность	2.61 (0.73)	3.49 (0.57)	3.59 (0.55)
Достижение успеха	3.04 (0.57)	3.48 (0.63)	3.66 (0.51)
Чистоплотность	2.43 (0.40)	3.52 (0.63)	3.54 (0.54)

Примечание. Главные эффекты фактора “ценности”: внутренняя гармония $F(2, 84) = 12.091, p \leq .001$; социальный порядок $F(2, 84) = 5.602, p = .005$; смысл жизни $F(2, 84) = 6.241, p = .003$; самоуважение $F(2, 84) = 4.527, p = .014$; самодисциплина $F(2, 84) = 3.091, p = .050$; защита семьи $F(2, 84) = 5.621, p = .005$; единство с природой $F(2, 84) = 3.150, p = .048$; мудрость $F(2, 84) = 3.170, p = .047$; социальная справедливость $F(2, 84) = 3.568, p = .033$; выбор собственных целей $F(2, 84) = 3.161, p = .047$; здоровье $F(2, 84) = 4.741, p = .011$; умелость $F(2, 84) = 4.096, p = .020$; ответственность $F(2, 84) = 5.621, p = .005$; достижение успеха $F(2, 84) = 5.216, p = .007$; чистоплотность $F(2, 84) = 3.571, p = .032$.

безопасность (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.059$), честолюбие (Мастерство) ($R^2 = 0.079$). Иная закономерность была обнаружена в отношении фактора “этнокультурная принадлежность” и ценности “благочестие” (хранение веры, следование религиозным убеждениям) (ценность находится в нейтральной зоне между наиболее и наименее предпочитаемыми) (табл. 3). Согласно данным, показатель *потенциал осуществления жизненных намерений* растет по мере повышения показателей ценности “благочестие” в группе осужденных-русских, тогда как в удмуртской группе он резко понижается.

Отметим, что выявленные ценности, оказавшие влияние на *потенциал осуществления жизненных намерений* осужденных, аналогично предпочитаемым ценностям (см. табл. 1), входят в блоки культурных ценностей по Ш. Шварцу: Принадлежность (Консерватизм), Равноправие, Мастерство, Автономия аффективная.

Полученные данные дисперсионного анализа (одномерного однофакторного ANOVA) констатируют значимые различия показателей зависимой переменной, соответствующих трем разным градациям независимой переменной отдельно в каждой группе осужденных. Так, в группе осужденных-русских в качестве таких независимых переменных выступили такие ценности, как

внутренняя гармония ($R^2 = 0.224$), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.118$), смысл жизни ($R^2 = 0.129$), самоуважение ($R^2 = 0.097$), самодисциплина (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.065$), защита семьи ($R^2 = 0.090$), единство с природой (Гармония) ($R^2 = 0.070$), мудрость (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.070$), социальная справедливость (Равноправие) ($R^2 = 0.078$), выбор собственных целей (Мастерство) ($R^2 = 0.070$), здоровье ($R^2 = 0.101$), умелость (Мастерство) ($R^2 = 0.089$), ответственность (Равноправие) ($R^2 = 0.118$), достижение успеха (Мастерство) ($R^2 = 0.110$), чистоплотность (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.078$) (табл. 4). Согласно полученным данным, при повышении показателей перечисленных ценностей показатели *потенциала осуществления жизненных намерений* возрастают. Коэффициенты детерминации (R^2) указывают на наибольшую меру эффекта таких ценностей, как внутренняя гармония, смысл жизни, социальный порядок, ответственность, достижение успеха, здоровье.

В группе осужденных-удмуртов сходная закономерность изменения зависимой переменной установлена при эффектах ценностей: смысл жизни ($R^2 = 0.271$), творчество (Автономия интеллектуальная) ($R^2 = 0.135$), независимость (Мастерство) ($R^2 = 0.105$), здоровье ($R^2 = 0.150$), достижение успеха (Мастерство) ($R^2 = 0.222$),

Таблица 5. Средние значения и стандартные отклонения показателя *потенциал осуществления жизненных намерений* в группе осужденных-удмуртов (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Ценности в группе осужденных-удмуртов	Уровень		
	низкий	средний	высокий
Равенство	3.65 (0.72)	3.18 (0.57)	4.00 (0.47)
Чувство принадлежности	3.86 (0.75)	3.13 (0.60)	3.70 (0.49)
Социальный порядок	3.22 (0.50)	3.09 (0.56)	3.80 (0.57)
Смысл жизни	3.00 (0.42)	3.18 (0.68)	3.89 (0.39)
Вежливость	3.50 (0.39)	3.10 (0.61)	3.86 (0.48)
Взаимоуслужливость	3.36 (0.47)	3.11 (0.53)	3.97 (0.52)
Творчество	3.04 (0.46)	3.22 (0.54)	3.80 (0.66)
Независимость	2.95 (0.35)	3.26 (0.69)	3.76 (0.50)
Честолюбие	3.43 (0.41)	3.18 (0.61)	3.76 (0.62)
Здоровье	2.45 (0.52)	3.11 (0.50)	3.31 (0.68)
Достижение успеха	3.06 (0.44)	3.56 (0.65)	4.24 (0.36)
Потакание себе	3.12 (0.64)	3.34 (0.63)	4.00 (0.45)

Примечание. Главные эффекты фактора “ценности”: равенство $F(2, 47) = 5.024, p = .013$; чувство принадлежности $F(2, 47) = 3.696, p = .034$; социальный порядок $F(2, 47) = 5.383, p = .009$; смысл жизни $F(2, 47) = 7.626, p = .002$; вежливость $F(2, 47) = 6.443, p = .004$; взаимоуслужливость $F(2, 47) = 8.160, p = .001$; творчество $F(2, 47) = 4.022, p = .027$; независимость $F(2, 47) = 3.343, p = .045$; честолюбие $F(2, 47) = 3.184, p = .051$; здоровье $F(2, 47) = 4.321, p = .015$; достижение успеха $F(2, 47) = 6.086, p = .005$; потакание себе $F(2, 47) = 3.757, p = .033$.

потакание себе (Автономия аффективная) ($R^2 = 0.124$). Вместе с тем, обнаружены и иные эффекты ценностей: равенство (Равноправие) ($R^2 = 0.176$), чувство принадлежности (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.121$), социальный порядок (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.197$), вежливость (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.231$), взаимоуслужливость (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.285$), честолюбие (Мастерство) ($R^2 = 0.095$) при переходе от низких к средним значениям понижают показатели *потенциала осуществления жизненных намерений*, а при высокой выраженности – повышают (табл. 5). Эффект влияния таких ценностей, как взаимоуслужливость, смысл жизни, вежливость, достижение успеха, социальный порядок, равенство, здоровье, оказался наиболее значительным.

Ценность “здоровье” является для всех осужденных, во-первых, наиболее предпочитаемой ценностью (табл. 1), во-вторых, фактором, оказывающим эффект на *потенциал осуществления жизненных намерений* (табл. 4, 5) и, в-третьих, ценностью с внутренним конфликтом – ощущением невозможности ее достижения по результатам применения методики Е.Б. Фанталовой.

В нормативной группе “воздействующими” на *потенциал осуществления жизненных намерений* ценностями стали: духовная жизнь ($R^2 = 0.101$), смысл жизни ($R^2 = 0.099$), национальная безопасность (Принадлежность (Консерватизм)) ($R^2 = 0.119$), защита семьи ($R^2 = 0.108$), социальное признание (Мастерство) ($R^2 = 0.100$), умелость

(Мастерство) ($R^2 = 0.180$). То есть, ценности “самотворения”, такие как духовная жизнь и смысл жизни, несущие в себе большой побудительный заряд, организуют поведение и позволяют человеку в своей полноценной жизни произвольно действовать для реализации поставленных целей.

По результатам дисперсионного анализа (одномерного двухфакторного ANOVA и одномерного однофакторного ANOVA) в группе осужденных статистически значимых эффектов ценностей на индивидуальном уровне [31, с. 106–115] не выявлено. По мнению Ш. Шварца [45], ценности на индивидуальном уровне понимаются как основа мотивов, регулирующих поведение и деятельность человека, определяют направленность его конкретных действий и жизненной активности, удовлетворяющих универсальные человеческие потребности. Получается, что в условиях длительной социальной депривации ценности на индивидуальном уровне не становятся побудителями потенциальной реализации отсроченных, долгосрочных намерений человека. Вернее всего, они будут выступать факторами реализации срочных, оперативных намерений [12, с. 150], приводящих к удовлетворению потребностей текущего момента [18, с. 223–232].

Кросскультурные различия в показателях смысложизненных ориентаций осужденных. При анализе данных с помощью критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между показателями смысложизненных ориента-

Таблица 6. Показатели смысловых ориентаций в группах осужденных и нормативной группе

Показатели	Средние значения		Критерий Манна-Уитни	<i>p</i>
	группа осужденных	нормативная группа		
Цели в жизни	29.26	29.75	3417.0	.774
Процесс жизни	26.02	28.55	2727.5	.015
Результативность жизни	21.46	24.22	2459.5	.001
Локус контроля Я	19.88	20.10	3503.0	.983
Локус контроля жизни	24.98	28.17	2406.0	.001

Таблица 7. Средние значения и стандартные отклонения показателя *потенциал осуществления жизненных намерений* в группе осужденных-русских (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Смысловые ориентации в группе осужденных-русских	Уровень		
	низкий	средний	высокий
Цель жизни	2.96 (0.52)	3.44 (0.48)	3.92 (0.48)
Процесс жизни	3.20 (0.47)	3.47 (0.58)	3.78 (0.60)
Результат жизни	3.16 (0.59)	3.52 (0.50)	3.94 (0.57)
Локус контроля – Я	2.82 (0.54)	3.45 (0.51)	3.76 (0.58)
Локус контроля – жизнь	3.11 (0.53)	3.60 (0.46)	3.73 (0.64)

Примечание. Главные эффекты фактора “смысловые ориентации”: цель в жизни $F(2, 84) = 22.804, p \leq .001$; процесс жизни $F(2, 84) = 5.356, p = .006$; результат жизни $F(2, 84) = 10.374, p \leq .001$; локус контроля – Я $F(2, 84) = 10.279, p \leq .001$; локус контроля – жизнь $F(2, 84) = 9.105, p \leq .001$.

Таблица 8. Средние значения и стандартные отклонения показателя *потенциал осуществления жизненных намерений* в удмуртской группе осужденных (одномерный однофакторный дисперсионный ANOVA)

Смысловые ориентации в группе осужденных-удмуртов	Уровень		
	низкий	средний	высокий
Процесс жизни	3.22 (0.59)	3.28 (0.69)	3.89 (0.35)
Локус контроля – Я	2.69 (0.38)	3.49 (0.48)	3.71 (0.66)

Примечание. Главные эффекты фактора “смысловые ориентации”: процесс жизни $F(2, 47) = 3.180, p = .052$; локус контроля – Я $F(2, 47) = 7.417, p = .002$.

ций (методика “Смысловые ориентации” (СЖО) Д.А. Леонтьева): процесс жизни, результативность жизни, локус контроля жизни в группах осужденных и нормативной группе (табл. 6).

Сниженные значения показателей в группе осужденных демонстрируют их “неудовлетворенность прожитой частью жизни”, “неудовлетворенность своей жизнью в настоящем”, “убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее” [19, с. 14–15]. При сравнении соответствующих показателей в русской и удмуртской группах осужденных значимых различий обнаружено не было.

Смысловые ориентации как факторы жизненных намерений осужденных в связи с их

этнокультурной принадлежностью. По данным дисперсионного анализа (однофакторный одномерный ANOVA) в группе осужденных-русских установлена доля дисперсии зависимой переменной (*потенциал осуществления жизненных намерений*), объясняемая вариацией независимой переменной (смысловые ориентации): цели в жизни ($R^2 = 0.352$), процесс жизни ($R^2 = 0.113$), результативность жизни ($R^2 = 0.198$), локус контроля–Я ($R^2 = 0.197$), локус контроля–жизнь ($R^2 = 0.178$) (табл. 7).

В свою очередь в группе осужденных-удмуртов обнаружена аналогичная закономерность в отношении лишь части смысловых ориентаций: процесс жизни ($R^2 = 0.137$), локус контроля – Я ($R^2 = 0.265$) (табл. 8).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В ходе исследования были выявлены особенности жизненных намерений осужденных, указывающие на разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов. Эта выражается в дефицитности интеллектуальной активности (есть желание, но нет побуждения к поиску путей и средств ее удовлетворения), рассогласованности цели и способов ее достижения, замещении интеллектуальной активности в связи с имеющимися сомнениями в действенности собственных способов и средств достижения цели нравственными поучениями – религиозными притчами или помощью и благодетельством Высших сил (Бога, Покровителей рода).

По результатам анализа базовых ценностей обнаружено, что у всех осужденных наряду с универсальными ценностями (ценности семьи, стабильности и успешности жизни, субъективного благополучия) приоритетными выступают коллективистские ценности – ценности социальных отношений: установления доверительных, поручительных и надежных отношений с окружающими [13]. Они согласуются с общими правилами поведения в криминальной (тюремной) среде: не выдавать своих, выполнять данные другим обещания, не лгать и не красть у своих, платить долги [3, 42]. Исследователи отмечают, что правила, обычаи и ритуалы, складывающиеся в субкультуре осужденных и отражающие их коллективные представления, всегда направлены на сплочение и приспособление к специфическим условиям тюремной среды для сохранения собственной безопасности и сопровождаются чувством солидарности [25, с. 174].

Установлено, что жизненные намерения и базовые культурные ценности осужденных, организованные по внутригрупповому признаку – этнокультурной принадлежности, согласуются друг с другом. Так, жизненные намерения в группе осужденных-русских в большей степени ориентированы на Я с включением внутренних субъектных ресурсов. Среди особенных культурных ценностей в этой группе выделяются ценности независимости, уверенности в своих силах и самодостаточности, явно претендующие на статус ценностей индивидуализма. Обнаруженные данные соотносятся с результатами исследований, указывающими на то, что общий стиль поведения типичного русского выражен доминирующими и энергичными чертами: уверенный, боевитый, ак-

тивный, смелый, претенциозный, критичный [35, 36]; типичный русский проявляет себя уверенным, является доминирующим и волевым, редко чувствует себя эмоционально угнетенным или неполноценным, разговаривает без колебаний, имеет живое воображение, яркую фантазию и интеллектуальное любопытство [2].

В удмуртской группе осужденных жизненные намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром. Среди выявленных ценностей доминируют коллективистские ценности социальных отношений, культивируемые в культуре удмуртского народа: вежливость и тактичность, искренность и честность, самодисциплина и сохранение своего публичного образа [см. 33]. В представлениях удмуртов идеальное устройство бытия – там, где царят согласие, мир и добрые отношения с добрыми людьми [36]. Ценность “сохранение публичного образа” является особой ценностью для удмуртов. Как известно [4], в “культурах стыда” – культурах внешних переживаний, чувство стыда является главным механизмом социального контроля, когда человек в своем поведении ориентируется на мнение и оценку других. Отсюда рождаются уверенность, чувство защищенности и безопасности, служащие жизненной опорой.

Дисперсионный анализ данных дает нам основание утверждать, что на *потенциал осуществления жизненных намерений* осужденных оказали эффект ценности социальных отношений и равных возможностей, самореализации и субъективного благополучия, по большинству своему являющиеся предпочитаемыми (базовыми) культурными ценностями в этой группе. При этом установлено, что по мере увеличения значимости ценностей в группе осужденных-русских показатель жизненных намерений резко повышается от низкого к среднему и чуть возрастает к высокому значению ценности. Тогда как в группе осужденных-удмуртов он плавно понижается от низкого к среднему и резко повышается к высокому показателю ценностей. Результаты, рассматриваемые на примере эффекта ценности “социальный порядок”, можно объяснить на основе результатов эмпирических исследований [40], согласно которым у удмуртов актуализация значимой ценности “Упорядочивание социального мира” запускает самоорганизацию внутреннего мира, а именно самоупорядочивание как нелинейный процесс самоорганизации личности с дискретным путем своего развития, осуществляемый средствами социальных ресурсов. По всей вероятности, выяв-

ленная ценность “социальный порядок” запускает подобный механизм в реализации жизненных намерений.

Особая связь с зависимой переменной была обнаружена для ценности “благочестие” (хранение веры, следование религиозным убеждениям), при повышении значимости которой *потенциал осуществления жизненных намерений* в группе осужденных-русских повышается, а в группе осужденных-удмуртов – понижается. Здесь следует указать, что у осужденных-удмуртов в стимульном материале рядом с этой ценностью были замечены приписки: “Христианская вера”, “Православный Бог”. Видимо участники исследования эту ценность связывали с религией, распространенной в регионе – православным христианством. Как отмечают финно-угроведы [6, с. 197–216], для религиозно-мифологической системы удмуртов в силу ее генезиса, длительности эволюции и взаимодействия с разными культурными системами характерен сложный синкретизм. В религии удмуртов своеобразно переплетаются элементы собственно язычества: тотемизма, погребального культа, знахарства, ведовства, шаманизма, которые сгруппированы в основном вокруг семейно-родовых и аграрных культов, а также христианства и ислама. Невзирая на существенное влияние мировых религий, удмуртам удалось сохранить свою древнюю анимистическую религию. До сегодняшнего дня в удмуртских деревнях сохранились места и святилища, где народ продолжает совершать свои священные обряды и ритуалы.

Важным фактором потенциала осуществления жизненных намерений явилась ценность “здоровье”. Защита своего здоровья – это в первую очередь защита чести и достоинства, порой и жизни от других осужденных, нравов тюремной среды, к тому же следование правилам здоровьесберегающего поведения исключает действия самоповреждающего характера, которые часто наблюдаются в условиях тюремной субкультуры [3]. Несомненно, при условии сохранения здоровья в ходе отбывания наказания и удержания значимости этой ценности к выходу из пенитенциарного учреждения имеется большая вероятность реализации жизненных намерений и достижение целей в процессе ресоциализации.

Обратим внимание на то, что ценности на культурном уровне, оказавшие эффекты на *потенциал осуществления жизненных намерений* в каждой группе осужденных, хорошо согласуются с этноконфессиональными ценностями. Так, в группе осужденных-русских такие ценности, как внутренняя гармония (быть в мире с самим собой),

смысл жизни (наличие жизненных целей), ответственность, мудрость, самодисциплина (сопротивляемость соблазнам), на наш взгляд, соотносятся с ценностями православия. Православные ценности обращают внимание в первую очередь на преобразование внутреннего мира человека (внутреннего строя человеческой души), осмысление человеческого существования, милосердие и целомудрие, смирение и ответственное отношение как высшее понимание и постижение жизни.

В группе осужденных-удмуртов такие ценности, как смысл жизни, взаимопомощность, вежливость, социальный порядок, равенство, чувство принадлежности, честность (усердие в работе) сопоставимы с ценностями языческих воззрений как основы религиозно-мифологических представлений удмуртского народа. Представления об идеальном устройстве мира, воплощенные в удмуртском эпосе, включают в себя мир и согласие, равенство и справедливость, лад в работе и добрые отношения с добрыми людьми, придают силы народу в жизни его, с тем лишь намерением, чтобы справиться с трудностями существования. Особенная связь этих ценностей с *потенциалом осуществления жизненных намерений* (табл. 5) обусловлена циклическим представлением о жизни, времени, пространстве без строгой и обратной последовательности, что создаёт особые закономерности опосредованного поведения и поступков человека в этнокультурном мире [36].

Не подлежат сомнению данные о том, что такие ценности субъектной активности, как достижение успеха (стремление к достижению целей) и выбор собственных целей (самостоятельность в выборе), при выходе из пенитенциарных учреждений могут актуализировать жизненные намерения осужденных. Проявление субъектной активности, активизация субъектного (регуляторного) опыта дает человеку возможность успешного разрешения возникающих проблем, позволяет осмыслить задачи в разнообразных жизненных ситуациях, обрести самостоятельность в сложных обстоятельствах [24], и тем самым реализовать свои жизненные намерения и планы.

В качестве факторов жизненных намерений среди смысловых ориентаций в обеих группах осужденных выступили “процесс жизни” и “локус контроля–Я”. Низкие показатели по шкале “процесс жизни” у осужденных – признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем. Однако ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее [19, с.14–16], осознание непрекращающегося движения жизни. Смысл жизни, состоя-

щий в том, чтобы жить, имеет глубокие корни в религиозных учениях и религиозно-мифологических представлениях человеческих сообществ: дискретная темпоральность, присущая опыту взаимоотношения временного человека с вечным Богом – в христианстве [28], “синхрония” существования реального и божественного миров – в языческом веровании [36].

“Локус контроля–Я” соответствует представлению о себе как о личности, обладающей возможностями построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле [19, с. 15]. Жизненные намерения конструируются через личностное содержание, отражающееся в жизненных смыслах, сознательном отношении к себе (личностная регуляция) и как результат – возможность адаптации в социальном мире. “Оживление” субъектности приводит к правильным жизненным смыслам и целям, позволяет найти лучшие способы разрешения конфликтных и проблемных ситуаций независимо от национального статуса человека и социальной структуры его окружения [24]. Появляется возможность преодоления человеком трудностей в жизненных обстоятельствах, связанных с выбором адекватных стратегий решения проблем, способов и средств достижения жизненных целей (субъектная регуляция) и как результат – достижимость изменения внутреннего мира и поведения [27].

Очевидно, что выявленные ценности и смыслы вызывают побуждение – энергетический заряд намерения, синтезируя его аффективный и интеллектуальный компоненты [12, с. 58–59]. “В тех случаях, когда усвоенные ценности сами приобретают силу непосредственных побуждений, они могут определять поведение человека независимо от сознательно принятых решений, непроизвольно подчиняя себе все другие его побуждения, в том числе и неосознаваемые им самим” [11, с. 41].

ВЫВОДЫ

1. Результаты контент-анализа полученных данных подтверждают гипотезу о разрыве и расхождении аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов жизненных намерений осужденных. Обнаружена дефицитность интеллектуальной активности осужденных, расхожденность цели и способов ее достижения, замещение интеллектуального компонента в связи с имеющимися сомнениями в действенности собственных способов и средств

достижения цели религиозными притчами или благодетельством Божественных сил.

2. Установлено, что жизненные намерения и базовые культурные ценности осужденных соотношены друг с другом: в группе осужденных, идентифицирующих себя с русскими, жизненные намерения в большей мере ориентированы на собственное Я с включением внутренних субъектных ресурсов, базовые культурные ценности весомее представлены ценностями индивидуалистической направленности; в группе осужденных, идентифицирующих себя с удмуртами, жизненные намерения в большинстве своем отличаются социальной направленностью с адаптивными возможностями во взаимодействии с внешним миром, базовые культурные ценности в основном представлены коллективистскими ценностями социальных отношений.

3. Выявлен статистически значимый эффект факторов культурных ценностей и смысловых ориентаций во взаимодействии с фактором этнокультурной принадлежности по показателю потенциала осуществления жизненных намерений. Тем самым, факторами потенциала реализации жизненных намерений лиц, находящихся в трудных жизненных ситуациях, наряду с ценностью и значимостью субъектной активности, становятся этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, сопоставимые с ценностями православия в группе осужденных-русских и религиозно-мифологическими представлениями, исходящими из языческих воззрений финно-угорских народов в группе осужденных-удмуртов. Допускаем, что выявленные ценности и смыслы, синтезируя аффективный и интеллектуальный компоненты намерения, наделяют его побудительной силой, а значит, вызывают побуждение.

Полученные результаты могут быть использованы в деятельности психологов пенитенциарных учреждений, осуществляющих психологическое сопровождение осужденных в условиях лишения свободы, и в работе постпенитенциарных реабилитационных организаций, деятельность которых направлена на обеспечение превентивных мер по предупреждению рецидивной преступности и повышение успешности ресоциализации освобожденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Аллик Ю., Мыттус Р., Реало А., Пуллманн Х., Трифонова А., МакКрэй Р.Р., Мецераков Б.Г. Конст-

- руирование национального характера: свойства личности, приписываемые типичному русскому // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 2–18.
3. *Антонян Ю.М.* Основные мотивы поведения осужденных // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 9–19.
 4. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. Н.М. Селиверстова, под ред. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2004.
 5. *Богорев Н.В.* Влияние уголовной субкультуры на духовное развитие нации в современной России // Преступность и духовность / Отв. ред. А.И. Долгова. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 140–144.
 6. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.
 7. *Горбунов В.А.* Исправительная педагогика. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005.
 8. Государственная программа Российской Федерации “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”, 2013.
 9. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Норма-Инфра, 2012.
 10. *Змановская Е.В.* Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Издательский центр “Академия”, 2004.
 11. Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под. ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972.
 12. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011.
 13. *Калиненко А.А.* Базовые ценности лиц в условиях социальной депривации // Казанская наука. 2013. № 12. С. 282–285.
 14. *Лебедева Н.М.* Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.
 15. *Лебедева Н.М.* Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26–36.
 16. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
 17. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Пятаевой. М.: Смысл, 2001.
 18. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003.
 19. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006.
 20. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Академический проект, 2004.
 21. *Мотков О.И.* Методика “Жизненное предназначение” // Школьный психолог. 1998. № 36. С. 8–9.
 22. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004.
 23. Нравственность Российского современного общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
 24. *Осницкий А.К.* Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 5(7). Часть 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/221-osnitsky7.html> (дата обращения 29.11.2014).
 25. *Поздняков В.М.* Отечественная пенитенциарная психология: история и современность. М.: Академия управления МВД России, 2000.
 26. *Рапинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2008.
 27. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009, № 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/223-sergienko7.html> (дата обращения 29.11.2014).
 28. *Сержантов П.Б.* Общение временного с вечным по свидетельству архимандрита Софрония (Сахарова) // По материалам “Силуановских чтений”. Клин: Христианская жизнь, 2001. С. 194–212.
 29. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
 30. *Сухарев А.В., Чулисова А.П.* Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
 31. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
 32. *Фанталова Е.Б.* «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах»: психометрическое исследование показателей. Методика // Мир психологии. 2011. № 2 (66). С. 228–243.
 33. *Хотинец В.Ю.* Этничность в интегральном исследовании индивидуальности человека: методология, теория, эмпирика и педагогическая практика (на материале исследования коренных народов Западного Урала): Дисс. ... доктора психол. наук. Новосибирск, 2000.

34. Хотинец В.Ю. Четыре метода анализа документов в социально-психологических исследованиях: Учеб. пособие. Ижевск: УдГУ, 2001.
35. Хотинец В.Ю. Психологические и культурные факторы этнотипического поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 2. С. 33–44.
36. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–107.
37. Хотинец В.Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ФОРУМ, 2012.
38. Хотинец В.Ю., Вяткин Б.А., Калинин А.А. Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2. С. 7–11.
39. Хотинец В.Ю., Мышкина С.А. Психологические особенности учебно-познавательной активности студентов разных этнических групп // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 60–75.
40. Хотинец В.Ю., Троянская А.И. Этнокультурные особенности профессиональной рефлексии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 57–73.
41. Шорников В.П. Роль Русской православной церкви в исправлении и ресоциализации осужденных // Современное состояние и перспективы: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. Рязань: Академия ФСИН России, 2011. Т. 2. Ч. 2. С. 102–209.
42. Щербаков Г.В. Мотивационная сфера осужденных: понятие, диагностика, коррекция. Рязань. Академия права и управления ФСИН, 2009.
43. Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / Eds. T. Parsons, E. Shils. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1951. P. 388–433.
44. Rokeach M. The nature of human values. N. Y.: Free Press, 1973.
45. Schwartz S. Mapping and interpreting cultural differences around the world // Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / Eds. H. Vinken, J. Soeters, P. Ester. Brill, 2004.

VALUE-MEANING FACTORS OF LIFE INTENTIONS OF PENITENTIARY INMATES

V. Yu. Khotinets*, A. A. Kalinenko**

**Honoured Scientist of UR, Sc.D.(psychology), professor, head of general psychology chair, Institute of Pedagogic, Psychology and Social Technologies, Udmurt State University, Izhevsk*

***post-graduate student, the same place*

The results of research of driving force (synthesis of needs and intellectual activity) of penitentiary inmates' life intentions holding back deferred essential goals and resulting in realization of intentional activity on leaving jail facility are presented. By the example of imprisoned in conventional prisons ($N=137$) peculiarities of life intentions are revealed. The latter stated the gap and disagreement in affective (feeling of scarcity) and intellectual (concrete ways and means of goal's achievement) components. Cross-cultural differences in life intentions and basic values of convicted (men attributed themselves as Russians and Finno-Ugric people – Udmurts) are revealed. By means of *ANOVA* such predictors of potential for realization of life intentions of convicted as value and subject's activity along with ethno-confessional values and religious meanings have been revealed.

Key words: affective and intellectual components of intention, potential for life intentions realization, cultural values, life meaning orientations, value-meaning predictors, values of subject's activity.